

16 СЕН 1944

ОТКРЫТОЕ
ПИСЬМОТеатру
Балтийского флота

Дорогие товарищи! Скажу по совести, с нас трудно писать рецензии. Трудно быть рассудительным критиком, когда вспоминаешь о нашей героической повзале на остров Ханко. Трудно заниматься критическим анализом спектаклей, которые рождались в суровые дни ленинградской блокады. Трудно уверять актеров и режиссеров в тех или иных ошибках, когда самое положение театра там, где он выступал, было победой советского искусства. Шутка ли сказать — театр в течение трех с лишним лет жил и действовал на бивших кораблях, показывая свои премьеры на волнах Балтики. Можно ли представить себе более необычную труппу, чем выш? Ведь это — не большое поморское подразделение. Если взглянуть в дневник помощника режиссера этого театра, то он, по всей вероятности, больше напомнит боевой корабельный журнал. Все это настолько необычно, что писать рецензии о работе вашего театра, по-вторю, трудно.

Театр Балтийского флота много видел, много знает, и ему есть что рассказать нам. А это в наши дни дорогого стоит. Это дорожки волн, полетов режиссерской фантазии, дорожки хитроумной выдумки, патетических монологов и эффектных мизансцен. Как некогда, мы сейчас жаждем правды, как некогда, плавали в искусстве играет сейчас главнейшую роль.

«Расскажи точно и ясно, что ты видел в эти великие героические дни», — говорит зритель, — я буду, затаив дыхание, слушать тебя, а не нужны мне все твои ухищрения, остроумия и эффектные фразы, если ничего тебе сказать. Искусство художников-океановидцев навеки запечатлело эти дни великой всемирной борьбы. И ясно, что малейшая фальшь воспримается, как нарушение основного принципа нашего искусства.

Показываетесь высь о Ленинграде. По сцене прохлзает старушка. Актриса дань маленькая мизанс. Ей нужно сыграть умирающую от голода. И все здесь зависит от того, насколько актриса правдиво будет играть. Если актриса допускает малейшую фальшь, едва ли слышу в ее голоса хотя бы одну притворную интонацию, как умирающая от голода женщина, которой я хочу искренно сочувствовать, становлюсь нищенкой и попрошайкой, притворяющейся, что ей ничего есть. И тогда мне нет дела до этой притворщицы. Так ложная игра актрисы превратила большую человеческую драму в сцену наглого лицемерия.

Но зато когда вспоминаешь начало спектакля «У стен Ленинграда Вс. Вишневецкого, эту размеренную и суровую поступь краснофлотцев, временно покинувших родные корабли, то можешь сказать, что увидел кусок боевой жизни, познал правду, передающую актерами с подлинной страстностью. Особенно яркой кажется мне сцена между двумя приятелями-матросами, когда в порыве отчаяния Бушаков хочет бросить порт и уйти в тыл к немцам, бороться в одиночку, а Коробков, зная от недоверия, выставляет друга поверить в победу и остаться вместе с остальными. Актрисы И. Дмитриев и Т. Некрасов достигают в этой сцене большой драматической силы.

Театр владеет искусством широты, волевого и несколько грубого нажима. Художественный опыт режиссера А. Пергамента сказался здесь в полной мере.

Героическое и красочное удается во многих случаях потому, что часто вам доводится близко наблюдать то, что происходит сейчас здесь, бразить на сцене. Но когда перед вами стоит задача более сложного «письма», более тонкой психологической разработки ролей, то тут молодость театра, незрелость мастерства сказываются очень остро.

Пьеса Крона «Офицер флота» принадлежит к иной сценической мере, чем пьеса Вс. Вишневецкого. И тут вы совершаете ошибку за ошибкой. Назовем, к примеру, исполнение роли командира дивизиона Кондратьева артистом Дмитриевым.

Образ Кондратьева у Крона выписан с большим мастерством и тактом. Это человек деятельный, честный и преданный своему делу, но недалекий. В описанных случаях действует правильно, и мы ему сочувствуем, в других — он ошибается и вызывает у нас естественный протест. Но это живая и цельная личность. Автор же играет эту роль как бы в двух измерениях. Сначала в возмущающую Кондратьева, как чуждого матроса, который развязно вмешивается в сцену, действует и разговаривает пошловато. Вторую же половину роли Дмитриев играет жестко и прохладно. Автор фактически по-разному играет две роли, он исполняет

их прямо противоположными приемами.

Подобная огрубленность и неточность характеристик, недостаточная проработанность рисунка заметны в изображении многих актеров. Я не чувствую внутреннего драматизма ни у артиста Когана, исполняющего роль художника, ни у артиста Головки, играющего Николая Эрастовича. Один из них произносит бойкие речи и досадно напоминает стандартного эположительного профессора, другой, закутанный в шали и платки, изображает некий столь же условный коммунистический тип. Поэтому не ощущается ни сцены атмосфера Ленинграда блокадной зимы. Изредка лишь мелькает правдивая фигура старика, шюфера или краснофлотца, в остальном же сплошное благообразие: веселая пляска на пристани, фанфаронство интенданта, развязное бвахальство проходящего моряка, как будто бы мы не в осажденном героическом городе, а где-нибудь в заштатном городке мирного времени.

И потому, что не чувствуется драматизма в судьбе людей, показанных на сцене, в спектакле нет сурового духа Ленинграда. Люди воспринимаются не как борцы, а как красочные разномыслия или болящие обыватели.

Вот какой мир окружает офицера флота Горбунова, роль которого играет артист В. Честноков.

Точно чувствуется непопаденность окружающих людей, Горбунов обращается к ним в высшей степени надменно и строго. Следя за игрой актера, даже не вспоминая, что кроновский офицер флота — умный, глубоко сдержанный человек, решительный и смелый, но по природе мягкий. Горбунову очень трудно сказать грубое слово, и когда его доводит до этого, то говорит он резкие слова, преодолевая внутреннее сопротивление. У Честнокова же Горбунов поразительно холоден и бесстрастен. Он покрикивает и поучает всех, со всеми говорит элетство и резко; и чувствуется, что капитан привык уже давно к этому тону и даже любит менторствовать. Даже когда Горбунов выслушивает слова признания любимой девушки, то сдержанностью и целомудрием своего героя Честноков изображает в таких странно самодовольных тонах, что невольно улыбаешься, слушая этого надменного человека. В образе офицера флота Честноков раскрывает меньше человеческого и душевного, чем в образе капитана Сибирякова на льдах Вишневецкого. Там Честноков строгим и решительными контурами обрисовал фигуру хорошего, смелого командира, в воинских качествах которого можно было увидеть нравственную силу этого человека. Здесь же, когда нужно было раскрыть большую человеческую тему в характере героя, Честноков не нащел убедительных художественных средств.

Чувство досады вызывает актерские промахи в финале спектакля. Горбунов упрямо отказывается покинуть капитанский мостик гибнущей лодки. Он официальным тоном заявляет, что хочет тонуть вместе с лодкой. Слушаешь и не понимаешь, в чему это безрассудное упрямство. Такое недоумение возникает потому, что в сцене нет главного — юношеской воодушевленности героя. Горбунову Честнокова нехватает абсолютности в своих идеалах, у него нет горячей веры в то, что принципы, которые он проповедует, составляют смысл его жизни. Для него это просто «правила поведения», не больше. И когда Горбунов стоит на вытяжку перед старым, иронически глядящим на него контр-адмиралом, то невольно думаешь, что эта беседа должна кое-чему научить не только самого офицера Горбунова, но и актера Честнокова.

Контр-адмирал расстается с молодым офицером, растроганным и довольный (это прекрасно показывает артист А. Трусов). Он разглядывает Горбунова большим сердцем, смелым и в юношескую страстность. Легенда о том, что Горбунов — человек азорный, придирчивый и излупине самоуверенный, оказалась легко развешанной. Это доверие к своему герою В. Честноков право же должен опрашивать в большей степени.

Может быть, мы не были бы так категоричны в суждениях, если бы смотрели этот спектакль в другом театре. Но ведь сюда, к вам, мы пришли слушать рассказы очевидцев, здесь мы особенно требовательны. И, воздавая должное талантливому театру, обогатившему нас своим опытом, хочется ему сказать:

— Большие просторы перед вами, товарищи! Идите строго по курсу и не отрывайте глаз от стрелки компаса, указывающей путь к правде.

Г. БОЯДЖНЕВ.